

СОДЕРЖАНИЕ

Вырубка	6
Кора. За кухонным столом	7
Унни. В пути	12
Кора. Одиночество среди нас.....	35
Унни. Зимнее цветение и летнее солнце	46
Кора. Корабль или тюрьма.....	68
Унни. Живя под прицелом.....	83
Кора. Овчарка	108
Унни. И у сосны дни сочтены.....	123
Кора. Лекарство.....	132
Унни. Пережить.....	145
Кора. Дремота	159
Унни. Пустота.....	175
Кора. Опасность и четвертинки.....	191

Унни. Дитя любви	205
Кора. На гвозде	216
Унни. Слепой случай	228
Кора. Истины	247
Унни. Крылья бабочки.....	254
Кора. Смола и янтарь	264
Унни. Таскать-не перетаскать	275
Кора. Через завесу плотного воздуха	289
Унни. Странствие по земле.....	295
Кора. Как ни поверни стрелки.....	307
Унни. Звезда скатилась	316
Кора. Караульная служба	323
Унни. Любовь	333
Кора. Время пускаться в путь	341

Посвящается моей семье, потому что вы самое прекрасное, что у меня есть, и потому что иногда проявляете ко мне больше понимания, чем я того заслуживаю.

Мой сестре, которая любит книги, пожалуй, еще больше, чем я. Всем, кто слушал, читал и помогал.

А также тому телемастеру, который умудрился несколько лет назад снести прием всех каналов, помимо двух, так что у меня появилось время писать.

ВЫРУБКА

Прямо под солнцем — открытое пространство. Земля без звуков. Чуть в стороне отбрасывают на землю тень огромные деревья, но рядом нет ничего, только старые зарубки от топора, смягченные дождем отметины пилы, голые пни.

Здесь лежит мертвый мужчина. Лицо в морщинах, словно на красивой потертой сумочке. Волосы нимбом вокруг головы. Белые, жидкие, трепещущие на слабом ветерке, дующем с вырубки в сторону леса. Рядом с ним распластались по земле листья папоротника, на ветке неподалеку машет крыльями серая неясность. Спешат муравьи. Деревья вокруг вырубки тянут свои ветви к мужчине и пням, но ничего не могут для них сделать.

Застывшая струйка густой темно-красной крови течет из головы мужчины по земле и хвое, словно струя воды, застывшая в своем движении. Охотничья вышка уже тоскует по нему. Рана большая, идет по всему черепу, но он не стонет, не дышит, а просто лежит рядом с лесом, как он и жил, повернув лицо к кронам деревьев. Глаза его закрыты, он ничего не видит. Его больше нет, он никогда уже не откроет глаза, но вороны видят его. И я вижу.

КОРА

За кухонным столом

— В пятницу? Через две недели?

Свекровь говорит это с нервозным видом.

— Очень хорошо, — отвечаю я.

Ясное дело, Бриккен в стрессе — ее муж только что умер, а бумаги, лежащие между нами на кухонной клеенке, касаются его похорон. На всех бумагах написано имя моего свекра Руара, его зеленое кресло с тряпичным ковриком на сидении пустует. Свекровь трогает пальцем крошечный шрам у основания волос. Серая кофта, седые волосы, кустистые седые брови, кожа белая, как бумага. Веснушки и старческие пятна. Ни одна из нас не носит брюк-клевш, для этого мы с ней староваты. Мне пятьдесят три, ей сильно за семьдесят, мы обе одинаково потрепанны жизнью. Подумать только — тридцать лет мы тремся друг о друга в этом доме. Правда, он, мой свекр, родился не здесь, но здесь учился ходить. В этом доме он прожил практически всю жизнь.

— Гроб и захоронение, — говорит она, глядя в бумаги.

— Урна, — отвечаю я.

— Гроб.

— Тогда зачем ты меня спрашиваешь?

— А я тебя и не спрашиваю.

Больше никто из нас не произносит ни слова.

Я только что сварила яйца, и лишь потом сообразила, что их обычно ел он, а не мы. В просиженном углублении в кресле сохранился Руар — но только там. Его кружка вымыта и стоит за голубой дверцей шкафчика прямо над мойкой, сборник кроссвордов лежит открытый ни для кого, и земля продолжает свое вращение — вертится по-прежнему, даже не заметив этого происшествия. У Бриккен грубые оправы очков, взгляд придиричивый, изучающий. Эти ее очки — словно лупы, вставленные в оправы: от них ее глаза кажутся огромными, как коричневые шары, как будто она видит все, что я сделала. Мы делим кислород в кухне, я и Бриккен, я отвожу глаза к окну, взгляд мой скользит мимо кружевных занавесок, покрытых слоем пыли. За окнами сухой коричневый газон, выжженный за лето солнцем. Нас осталось здесь двое, а до ближайших соседей почти километр. До деревни двадцать пять минут быстрым шагом, но там уже почти ничего нет. Сельский магазин, два новых лежачих полицейских и несколько грязных фасадов из этернита. И Лесопилка, ясное дело. Забор покосился, в нем не хватает доски, и прямо за ним стоят деревья, относящиеся к большому лесу. Между мной и Бриккен повисло молчание. Радио бормочет свое. Драма на площади Норрмальмсторг¹ осталась позади. Шесть дней в качестве заложников — с чем это вообще можно сравнить? И Фердинанд Маркос, ставший пожизненным президентом — он сам этого хотел, я уверена. Но меня-то кто осудил на пожизненное заключение? Здесь я находиться не хочу, но куда мне податься?

Бриккен выпрямляется, проводит ладонью по пояснице. Ее тело как потрескавшаяся глина, я не решаюсь встретиться с ней глазами.

— Еще кофе?

¹ Имеется в виду захват заложников в Стокгольме в 1973 году, после которого возникло понятие «стокгольмский синдром»(прим.перев.)

Она наливает, не дожидаясь ответа. *Клетчатая клеенка, заварной кофе в пластиковом термосе, кусок сахара в чашке с синими цветами. Опрятность и народный быт. Боже, знала бы она, что тут творилось, стоило ей отвернуться.* Складка у нее между бровей — не только от сосредоточения. Ей приходится держать термос обеими руками, чтобы не пролить.

— Спасибо.

— Я подумала — ты ведь всегда хочешь добавки.

Я не отвечаю. Она кладет в свою чашку кусок сахара и залпом выпивает кофе. Чашки мелковаты, мне всегда так казалось. Ручка такая, что за нее и не взяться толком — ясное дело, Руар предпочитал пить из кружки с логотипом лесозаготовительной компании. Кофе у Бриккен, как всегда, слишком жидкий. Она смотрит на меня, желая услышать мое мнение — вкусный ли кофе. Мне не хочется лишний раз врать.

Такая тишина, что, кажется, заложило уши. На душе у меня свербит — вдруг Бриккен все же знает, хотя мы всегда были так осторожны? На щеках и лбу у нее лопнувшие сосуды — наверное, по сосуду за каждый прожитый год. Один из них, с сердитыми красными ответвлениями, напоминает паука. Кроны деревьев качаются на ветру — кроме этого трупа старой ивы, от которого осталась одна палка. Скоро настанет осень, когда ветер будет отрывать ветки и швырять их в сторону болота, когда садовый столик перевернется на ветру. Такую погоду я никогда не решалась устроить в доме.

— Как ты думаешь, наша Курбитс пошла той же дорогой, что и Руар — в тот раз, когда она пропала? — спрашивает она, не сводя глаз с забора.

Я не отвечаю. В голове у меня мысли о другом, а не о мертвой кошке.

Скоро по телевизору будут показывать «Сцены из семейной жизни», но у меня нет сил смотреть, как герои рвут друг друга в клочья, у нас своего по горло. Продолжать ли мне молчать о том, из-за чего я раздирала себе грудь по ночам, о таблетках,

и дровяном сарае, и клапане на колесе, или выпалить все как есть? Выдержит ли голос...

Снаружи Норрландское лето, белые ночи. По ночам луна и солнце стоят бок о бок, и скоро отягощенные мыслями одинокие люди начнут звонить на радио в вечерний эфир. Я знаю, каково это. У меня тщательно расчесанные волосы и блеск для губ, и вечный воображаемый камешек в ботинке. Мне было семь, когда я впервые описалась от страха, потом четырнадцать, и все продолжалось, потом мне стало тридцать восемь, сорок семь, пятьдесят три. Мое сердце — как ворона на высоком дереве. Иногда она каркает издалека, иногда подбирается ближе. Наверное, я такая родилась, но иногда я задаюсь вопросом, почему ворона выбрала именно меня. Впрочем, с этим можно жить: когда приходит страх, он такой мягкий, летний, что-то нашептывает мне на ухо. С годами все стало терпимее. В молодые годы все казалось гораздо хуже, хотя тогда мне нечего было бояться. Давным-давно.

Я хочу, чтобы вдова Руара поручила мне заниматься его похоронами. Именно я должна была бы всех обзванивать и все заказывать. Решать, что на нем будет надето. Рассказывать истории из его жизни и просить нанятую певицу спеть «Осеннюю песню» на слова Туве Янссон. Но я не смогу объяснить это Бриккен. Так что я ничего не говорю по поводу похорон. Мне пришлось бы мигом собрать свои вещи и пойти, куда глаза глядят, если бы я рассказала, чем тут занималась, когда ее не было дома. А то еще и под замок посадили бы. Вместо этого я беру пирожное с вареньем и грызу его. Некоторое время мы сидим молча, одинокие вместе. Затаились и выжидаем. Мы продолжаем делить между собой пространство этого дома, как все дни с тех пор, как я вышла замуж за их с Руаром сына, и все вышло совсем не так, как я себе представляла. На кухонном окне жужжит муха. Рвется на волю, как и я.

Первой молчание нарушает Бриккен.

— Ты знаешь, что мать и отец Руара вышли из леса вон там, между соснами? — говорит она и кивает головой в сторону

окна. — Унни и ее Армуд выбрали себе дом в таком уголке леса, куда солнце может заглядывать беспрепятственно. Пришли пешком из самой Норвегии, а багажа у них было всего-ничего — мальчонка на руках, лакированная деревянная шкатулка и мешок с провизией.

Поправив носком туфли кухонный коврик, она оглядывается, словно надеясь найти в этой старой кухне нечто вдохновляющее. Все здесь допотопное, мы тоже, но у нее по-прежнему самые красивые дверцы шкафов, и именно ей подарили на юбилей столешницу под мрамор в кухню. Мне же подарили новые часы. Ее взгляд скользит дальше в поисках роскоши, находит алюминиевую кастрюлю с вмятинами, покрытые жиром стыки кафеля, останавливается на пожелтевших синтетических кружевах. Сейчас ей удалось навести немного блеска на оконные рамы — они по-прежнему сияют белизной после покраски в позапрошлом году. Бриккен проводит рукой по подоконнику.

— «Уютный уголок» был куда меньше, когда они въехали сюда, и выглядел весьма запущенным. Когда появились они, дом уже давно пустовал. Серое замызганное пятно на фоне стволов деревьев, не иначе. «Здесь мы в безопасности, — видать, сказали они. — Здесь будет наш дом». И хорошо для хозяина местных лесов, что кто-то согласился позаботиться о домишке, хотя он и брал с них немалую плату.

Историю об Унни и Армуде я слышала так много раз. Иногда мне хотелось быть, как она: любимой, сильной, готовой пуститься в путь, оставив все позади. В голове прорастают мысли, как все могло происходить тогда, давным-давно.

УННИ

В пути

Я не знаю, как оно могло бы быть, зато знаю, как оно было. Знай я тогда, чем все закончится, дни заполнились бы совсем иной ценностью и ожиданием. Если бы даже я могла заглянуть в будущее, все равно ничего бы не предприняла, чтобы остановить надвигающееся. У горя нет правых и виноватых. Счастье не знает морали.

От крестьянина, которому поручили отвезти меня, пахло похмелем. Я слышала, как шептались люди в тот морозный день, когда я залезла на его повозку. Крестьянин отпустил мою руку и толкнул меня в спину, чтобы я скорее залезала в клетку для скотины у него на телеге. Многие, кого я давно знала, отворачивались. Кто-то сплюнул на землю. Следующая остановка — холодная комната с запертой дверью. Крестьянин прикрикнул на лошадь, и мы тронулись в путь. Когда телега покатилась, дверца стала биться о клетку. Лошадь разогналась, железо все громче билось о дерево — так я поняла, что крестьянин забыл меня запереть. Секунды полета. О, как я бежала к тебе, Руар! Как заставляла работать легкие, преодолевая боль в ноге, пока не увидела блеск воды, Армуда, смолившего чью-то лодку, и на-

конец-то разглядела светлый пучок твоих волос — ты сидел позади плоской синей кормы.

Армуд оставил недосмоленную лодку. Он первым покинул мой город — большими решительными шагами, хотя мог бы и остаться. А я лишь кинула прощальный взгляд на тот кусочек Норвегии, что был мне домом. Позади остались море, голод и все обвинения. Взгляды, полные ненависти или малодушно отведенные в сторону. Горы, покрытые набухшими почками, смотрящие вниз на людей в том городе, где мы жили, и видящие, как те копают могилки своим умершим детям. Слезы со вкусом моря. Море со вкусом слез. Я хотела бы остаться, не желала заставлять сына пускаться со мной в это путешествие, сама не зная, чем оно закончится, но выбора у меня не оставалось. Поэтому мы шли день за днем вдоль берега, а в глазах у нас отражалось небо. Мы шли по темным тропинкам через большой лес. Правая нога болела, но с этой болью можно было справиться. Хуже обстояло дело со страхом и тревогой. На руках у меня тельце ребенка, которому еще не исполнилось и года, внутри меня растущее яблочное зернышко. Так близко. Ты, Руар, крошечным тучком спал у меня на животе, подтянув под себя ножки от холода. Твоя сестра была безымянным семечком под моим пупком. Ее отец — человек, которого я едва знала, но глаза у него были добрые, и я доверилась ему.

У меня была красная лакированная шкатулка вишневого дерева со всякими снадобьями, доставшаяся мне от целительницы, а впридачу то, что было на мне надето: коричневая юбка, шаль и потрепанная белая блузка. Дырка у воротника тщательно заштопана. Остальное мне пришлось оставить позади. Выбора не было. Человек из Кристиании, где я никогда не бывала, был одет в брюки из потускневшей черной ткани и куртку, не имевшую никакого цвета. Выцветшие, безжизненные ткани. Но лицо у него было живое, и он пошел со мной, полюбил тебя, Руар. Шесть месяцев мы с ним знакомы, и вот уже некоторое время спим в одной постели. Я полюбила его имя, Армуд, и его руки — волосатые, почерневшие от погоды и путешествий, на-

поминающие сказочный лес. Меня тронуло, как он предложил присмотреть за тобой, когда мне надо было пойти с моей лакированной коробочкой к больной девочке у подножья горы. Я ушам своим не поверила, когда он предложил пойти со мной, узнав, что я вынуждена бежать.

— Я с тобой.

Так он сказал, и мы пошли. Главное — любить друг друга. Так думала я тогда. Мне казалось, что все просто.

Поклажа висела на его спине, он человек привычный, странствовал ранее. Поначалу я все время оглядывалась назад, вспоминая слова пастора. «Убийца». Сколько времени пройдет, прежде чем они догонят нас? Но с каждой милей, которую мы оставляли позади, дышать становилось все легче. Когда мы просыпались по утрам, чтобы продолжить наш путь, костер уже почти угасал, но в нем теплились искорки, дававшие достаточно тепла, чтобы начать новый день. Иногда Армуд мочился на угли, оберегая лес, прежде чем мы пускались дальше. Дни тянулись медленно, но еда исчезала быстро. Ранец Армуда с запасом провизии становился все легче, вскоре в нем осталась лишь щепка для костра, скоро нам придется покупать еду. Вдали виднелись горы, покрытые снегом даже среди лета.

Наверное, с его стороны любовь была уже тогда — иначе я не понимаю, почему он шел со мной все эти долгие дни, сквозь деревни, вдоль проселочных дорог, под пляшущим дождем и палящим солнцем. Каждый раз, когда я смотрела на него, слышала его смех, на душе у меня становилось теплее. Высота и горный воздух обжигали холодом. Сырость пробирала до костей, не желая отступить обратно к морю. Ботинки промокали. Не раз, глядя на него, я думала, что он вот-вот повернет назад и скажет мне, чтобы я продолжала путь одна с мальчиком, но этого не случилось. Его спина уверенно двигалась вперед у меня перед глазами, и он оборачивался только чтобы посмотреть на меня с улыбкой, никогда с сомнением.

Мы обогнули город Рёрус — вся природа напоминала живые алмазы: березовый лес, горы, просторы и белые стволы. Помню,

как на закате дня в воздухе повис мокрый снег. Суровые ветра дули нам в лицо, пока мы поднимались все выше. В тот день мы шли быстро, чтобы не замерзнуть, и я чуть не врезалась в спину Армуда, когда он резко остановился. Он показал мне свою ладонь, на которую приземлилось нечто мокрое. Не капля воды — снежинка. Тут же на его запястье приземлилась еще одна — у самого края рукава, где человеческая кожа так тонка и чувствительна. Я наклонилась вперед, чтобы рассмотреть ее.

— Видишь, Унни, какой чудесный узор? — проговорил Армуд. — Эта крошечная снежинка не похожа ни на большую рядом с ней, ни на любую другую из своих многочисленных сестричек. Но нечто общее есть у них всех — поверь мне, человеку, однажды не уделившему должного внимания погоде и чуть не лишившемуся пальцев. Каждая снежная звезда — сигнал опасности, и нам надо спешить, чтобы спуститься с гор и вернуться на равнину, к лету.

Еще мгновение блестили кристаллы, потом растаяли и исчезли. Армуд погладил меня по щеке тыльной стороной ладони.

— Ты такая красивая, Унни, — сказал он. — И смелая.

Мы улыбнулись друг другу и пошли дальше, ускоряя шаг. Человек, обратившийся ко мне с ужасной раной на руке, которую я вылечила при помощи белого мха. При следующей встрече он подкинул моего сына в воздух, так что тот захохотал до икоты. Потом поймал голыми руками чужую курицу, свернул ей шею и угостил меня ужином где-то на грани города и воды. Он не пошел дальше в сторону Му в Рана, как задумывал изначально, а нашел себе работу в порту Тронхейма, хотя обо мне там шли злые слухи. Человек, который умел улыбаться так, что морщинки вокруг глаз становились глубже, и который остался со мной. Несмотря ни на что.

Поэтому все так вышло. Поэтому он шел со мной, а я с ним. Не от разума, а от чувства. Когда мы были вместе, прекрасного казалось больше, чем опасности. Куда бы ни пошел один из нас, второй последовал бы за ним. Куда хотел один, туда хотел

и другой. Это, и еще одно — понимание того, что я не могу вернуться.

Вскоре снежинки уже нещадно хлестали в лицо, резали глаза. Я завернула тебя, Руар, в шарф Армуда и обеими руками прижала к себе. Когда ветер подул сильнее, я подняла плечи и опустила голову, спрятав подбородок за край шарфа. Шаг за шагом пробиралась я сквозь непогоду, не сводя глаз со следов Армуда перед собой. Отпечатки моих подошв как раз помещались внутри его следов. Когда он обернулся ко мне и улыбнулся, лицо у него было покрыто снегом и изморосью, а подбородок посинел от холода. Задним числом я думала, как он, должно быть, мерз тогда, идя впереди и рассекая ветер, отдав тебе свой шарф, но он никогда не жаловался.

— Вот так себя чувствуешь, когда отрываешься от земли, Унни, моя дорогая! — рассмеялся он, видя, что я встревожена. — Нужен ветер, чтобы полететь!

Ближе к вечеру браться с ураганом стал невозможно. Он норовил сбить меня с ног, обжигал уши, хотя голова у меня и была замотана шалью. Армуд нашел большой камень, защищавший от ветра, и построил снежный вал, который защитил бы нас на ночь, пока погода не изменится. Потом мне пришлось разводиться огонь — пальцы у Армуда настолько замерзли, что он не мог ими пошевелить. Мы крепко прижались друг к другу, как матрешки, которых расписывают где-то в окрестностях Москвы. Их он видел своими глазами, нашептывал мне на ухо об их радостных расцветках, в тепле его живота я ела горный снег, согревая руки Армуда у себя в подмышках. Холод шептал мне, что ничего не выйдет. Но что нам оставалось?

Солнце напевало нам, когда мы пересекли границу Швеции. Думаю, мы вошли в Хэрьедален, не знаю точно, где, но именно с той стороны мы и пришли. Едва мы ступили на чужестранную землю, как я перевела дух, и идти стало легче. Страх по-прежнему таился в голове, и ноги болели, но я расправила плечи, и переносить боль в правой ноге сразу стало легче. Мы увидели лес, деревни и просторы. Спустились с горы в долину, через